

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
Июнь.....	15
Июль.....	57
Август	91
Сентябрь	119
Октябрь	151
Ноябрь.....	185
Декабрь	209
Январь	247
Февраль.....	277
Март	309
Апрель	343
Май.....	373
Эпилог.....	400
Благодарность.....	404

Посвящается тем,
кто вложил мне в руки
землю и семена

ВСТУПЛЕНИЕ

Если вплотную подойти к изгороди из металлических прутьев, то в просветы между ними можно узреть бескрайнее поле танцующих белых лепестков. Это ромашки, множество ромашек. Завораживающее зрелище среди кирпичных и бетонных конструкций.

Пару недель назад я проходила мимо, возвращаясь домой после вечеринки, устроенной друзьями во внутреннем дворике их жилища. Вполне цивилизованное времяпрепровождение в воскресный вечер: встретиться с друзьями и насладиться нежным изысканным вкусом мидий. Кто-то сделал селфи и выложил его в сети: это было знаком нашего комфорта и наших достижений. Мое поколение довольствовалось жизнью простой, без нарочитых излишеств. Собирались, как правило, люди схожих взглядов, проживающие в шаговой доступности, чтобы можно было пройтись пешком, наслаждаясь благоуханием ночного Лондона в конце весны.

Однажды мы с Джошем брели домой, медленно взбираясь на холм. Неожиданно взяв его за руку, я потянула его назад любоваться цветами, привлечшими мое внимание. Они казались мне неким откровением – это и есть сама жизнь, а не некая игра или мистика. Все было столь ирреально и так далеко от бурлящей

повседневной жизни. Впрочем, действительность всегда непредсказуема.

В тот вечер что-то всколыхнулось во мне, может, виной тому порывистый ветер, от которого у меня закружилась голова. Я стояла молча, в плену этого островка нетронутой природы, усеянного полевыми цветами. Меня пронзила мысль, что все это в одно мгновение может исчезнуть. И быть может, нам повезло застать их в те дни, когда они покачивались на ветру в угасающем свете дня, прежде чем согнуться под тяжестью созревших семян.

В детстве мы часто воспринимали полевые цветы как своеобразное «оружие», которое использовали в своих фантастических сражениях, заполнявших нашу деревенскую жизнь.

Липушник следовало сорвать, смять и незаметно бросить в сторону жертвы, чтобы человек не догадался, что стал мишенью. И в итоге ярко-зеленые колючки оставались прицепленными к футболкам или к шортам до тех пор, пока кто-то из прохожих мимоходом не указывал на это ребятам.

Одуванчики служили другим потенциально «карательным» целям. С приходом мая, когда их всклокоченные желтые цветки превращались в симпатичные пушистые головки, на них можно было гадать. Те, кто сдувал семена с головки одуванчика, могли «напророчествовать» многое, но в основном гадали «любит – не любит», как правило на желанного мальчика из класса. Однако самое неприятное таилось в стеблях сорняков. Тот, кто отважился попробовать сок из сорванного стебля одуванчика – при этом обычно обещалось нечто вкусное, – обнаруживал на языке ядреную горечь молочной

жидкости: отвратительный вкус, от которого невозможно было избавиться, так что скулы сводило – к немалой радости виновника произошедшего.

Но самыми привлекательными для нас были луговые травы. По мере того как день становился длиннее, трава вырастала, колышась на ветру. У растений появлялись семенные шапки с крошечными шипами – своеобразные колючие бомбочки. Мы не знали названий этих растений, зато умели выбрать хорошие – со множеством семян. Особо привлекали наше внимание цветастые пушистые растения. Из молодых цветов срывались наиболее яркие и колючие, но из-за присущей им плотности их было сложнее задействовать. Правильный выбор приходил с практикой. Несмотря на то что первую половину детства моя сестра провела в окрестностях города, позднее она быстро приобрела нужный опыт и пользовалась этим, хорошо зная мою доверчивость. Она выбирала себе «оружие», просила меня позволить ей положить его мне на язык, пожевать зубами и закрыть глаза, если хочешь понять, что значит летать. А затем, если травинка лежала правильно и ощущения полета постепенно нарастали, она вытягивала стебель у меня изо рта и хихикала, когда я чувствовала, как жесткие сухие семена лопаются у меня во рту.

Открыв глаза, я видела, как она заливается от смеха, глядя на меня выплевывающую кажущиеся нескончаемыми семена, набившие мне рот. Новый мир ощущений, оставшийся у меня на языке.

Мне знакомы все эти трюки, потому что я постоянно страдала от них и мне редко удавалось проделать нечто подобное в ответ: я пыталась заставить Ханну пожевать траву, но она прекрасно знала, чего я добиваюсь. Будучи самой младшей из сестер, родившейся в городе, я стала идеальным объектом для таких школьных шалостей, когда мы переехали в деревню.

Тем не менее я быстро научилась ориентироваться в полях и на заросших тропинках вокруг нашего деревенского дома, познавая разнообразный мир лесополосы и цикл роста зерновых культур. Не формально, с точными названиями растений и представлением о сельском хозяйстве, а просто как данность. Здесь пересекались линии жизни и смерти – в этом конгломерате природных артерий. Лягушачью икру приносили в школу в банках, а неоперившихся птенчиков, выпавших из гнезда, внимательно рассматривали во дворе: глаза у них были большие и слепые. По полям носились кролики. Если кто-то находил барсука, то его клали у дороги, перевернутым кверху брюхом и раздувшимся трагикомично от своих собственных вонючих газов.

А еще мы познавали законы жизни отдельных растений. Из желудей вырастали дубы, из ореха каштан – дерево каштан, по крайней мере из тех каштанов, которые не мариновали и не запекали в духовке. Несмотря на все наши розыгрыши, мы знали, что крапива сильно обжигает и ее нельзя использовать для игр. Неприятные ощущения от зудящих волдырей, появляющихся от крапивы, можно было снять только щавелем, прохлады которого успокаивает, если потереть им детские ножки.

Зеленое лекарство сочится между пальцами, и скрученные листья прилипают к потным ладошкам.

И все равно большая часть нашей жизни проходила в помещении. Ведь даже если деревня сохраняла свои традиции – запекание на вертеле целой свиньи, игра с овечьими мочевыми пузырями или жесткая конкуренция на продуктовых ярмарках. – я все равно оставалась ребенком девяностых, таким же прельщенным технологиями и зовом сирен будущего, как все остальные. Во мне еще живо воспоминание о программе Windows 95, установленной на компью-

терах в нашей школе, а также о том, как несколько лет спустя мы получили доступ к Интернету. Жизнь в онлайн словно приливной волной накрыла наше поколение, и все равно лишь немногие могли тогда предсказать ее будущее.

Будучи подростком, я чувствовала некую ограниченность и замкнутость, живя в сельской местности. Огромное пространство – и никакой возможности выбраться из него. Я скучала по городу, по Лондону, тротуарам и улицам, ощущению опасности и разгульного веселья, примешанного к тревоге, что не заметишь летящую на большой скорости машину на неосвещенной улочке. Меня подавляла деревенская тишина, бескрайнее небо и подчас сосредоточенность только на собственном интересе. Меж тем родители и учителя интересовались, кем мы хотим быть, подстегивая нас к достойному выбору, то есть найти свое призвание, профессию, сделать карьеру. Мы во всем подражали им, воодушевленные необходимостью и страстным желанием выбрать свое будущее. Я решила стать журналистом – тем, кто превращал игру в свое ремесло. Мне хотелось видеть мои статьи опубликованными в печати. И поэтому я покинула родные места, путешествуя по крупным городам. Я вообще не думала о растениях, как и о смене времен года; все оставалось в прошлом, пока вдруг не поняла, как сильно я по ним скучаю.

Впервые особый интерес к растениям появился у меня лет в двадцать – двадцать пять, и это стало началом моего увлекательного путешествия в мир природы. В этом не было ничего показного. В любом случае я ни с кем не делилась своим секретом. Пристрастие к садоводству считалось тогда чем-то странным и старомодным, любимым занятием пожилых людей и зануд.

Неподдельное удовольствие испытываешь ты, обнаружив новый побег или неразвернувшийся листик или открыв дверцу сушилки и увидев десяток проросших семян, появившихся по краям камеры. Подобное ощущение не передашь никакой фотографией, ни одним кадром из череды стандартных для новостной ленты в соцсети миллениала: ни любительскими снимками из ночного клуба, например Хакни Уик, ни видами туристического Будапешта.

Но в любом случае я не до конца понимала, почему мне это нравится. С детства я не была приучена возиться в саду, раньше я никогда не проявляла интереса к изучению ботаники или желания посещать скверы и общественные сады. Все «прелести» садоводства – старомодный дизайн, соответствующие знания и некоторая чопорность – оставляли меня равнодушной. Я знала одно – это дарит мне истинное наслаждение, которого не доставляло мне больше ничто: ни яркие огни Лондона, ни модные вечеринки, ни гляцевые журналы. Наслаждаться растениями означало задавать десятки волнующих тебя вопросов о том, почему они тебя завораживают. Я хотела знать ответ на них. Во всем этом был какой-то безмолвный невысказанный вызов, который не требовал внешнего выражения, являясь исключительно прерогативой моего собственного ума. В отличие от других, более явных, призывных стимулов, с которыми я столкнулась на тот момент в своей жизни (добиться лучших оценок, получить диплом, найти идеальную работу, сколотить группу друзей, с которыми можно было весело провести время так, чтобы затем похвастаться этим в соцсетях), у меня не было твердого намерения заняться садоводством. Та степень усилий, которую ты вкладываешь в свою работу, реально влияла на конечный результат. Но понять причинно-следственные отношения было непросто: они определялись теми моментами, которые не поддавались моему контролю. Для того, кто очень долгое время пытался выстраивать все в нужном направлении, это выглядело как пленительный магический фокус.

Подобно миллионам других людей, я переехала в Лондон в поисках работы. Там я хорошо адаптировалась, обрела комфорт среди шума и анонимности и нашла прелесть в постоянных переменах.

НО ГОРОД – ТО ПРОСТРАНСТВО, КОТОРОЕ ЛЮДИ СОЗДАЛИ
ВЫНУЖДЕННО, А В ИТОГЕ В НЕМ СТАЛО ТРУДНО ЖИТЬ. ЗДЕСЬ
МАЛО МЕСТА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

Город меняет наши приоритеты, заставляет нас конкурировать друг с другом в областях, которые прежде не имели для нас никакой ценности: в плане нашего дохода и мест отдыха. В настоящее время, как никогда, большинство людей предпочитает жить в городах. Поколение миллениалов – то, к которому принадлежу я, – навводило эти серые пространства из стекла и стали, обрекло себя на жизнь в скудных жилищах, требуя работы в потрепанных кризисом отраслях. Мы пытались стряхнуть с себя ожидания, навязанные нашими родителями, одновременно изучая новые способы жить. Мы хотели создавать вещи, а не владеть ими, даже когда дело касалось покупки квартиры. Мы карабкались по карьерным лестницам, сулившим нам постоянно и быстро меняющееся будущее, что невозможно предсказать. Мы пытались быть одновременно всем, научились хорошо притворяться, даже если нам казалось, что мы все провалили.

Нас изолировали от природы, с которой мы делили общее жизненное пространство. Мы росли, не ведая растений, не подозревая о силе и предназначении цветов, кустарников и деревьев, которые мы уже разучились различать. И здесь мы не были первыми: на протяжении многих поколений люди покидали свои родные деревенские места, где провели детство, ради заманчивой роскоши городской жизни. В итоге земля призывает нас вернуться обратно. И вдруг мы обнаружили, что стремимся туда, в это восстанавли-

вающее силы зеленое пространство. Мы пренебрегаем законом и догмой, выращивая что-то на земле, которая нам не принадлежит, заставляя приглушенную красоту успокаивать не только свое сердце, но и сердца широких масс. С целью смягчения последствий промышленной революции, с ее копотью и смогом, викторианские власти начали выделять места под парки, чтобы люди могли дышать их зелеными легкими, так как их собственные были забиты копотью. Позднее, когда бурный темп века изобретений оставил своих детей потрепанными и поношенными, именно в области садового дизайна зародились наиболее передовые творческие идеи, которые помогли нащупать новые свободы.

Где наше место среди этих поколений? Какие аспекты нашей творческой жизни сформировали наши умы, наши потребности и желания? Я внезапно ощутила, что скучаю по хрустящему вкусу тех неожиданных семян травы на зубах.

Мне снова захотелось испытать давно забытое удивление от их вкуса на языке, нечто реальное – и не важно, насколько грубое. Я искала простора, не обязательно в том пространстве, где я жила, – так как город велик и полон разных чудес не меньше, чем разочарований, – но широты своего мышления. Когда я стояла тогда на тротуаре в течение нескольких минут, глядя на ромашки, пока люди быстро проходили мимо, я ощутила голод. Голод по тому проникновению, по тому воображению, которые позволяли превратить историю с липушником в розыгрыш, спелую сочную ягоду ежевики – в перекус на бегу с испачканными, словно чернилами, пальцами, а лист щавеля – в лекарство. Кажалось, что если только я смогу разобраться в жизнедеятельности этих растений, понять, что заставляет их цвести и увядать, то мне удастся по-новому взглянуть на жизнь.

Уюнь

ИЮНЬ

Приход лета в город по силе воздействия равен тому же мощному природному импульсу, который его порождает. Кирпичные стены пропитываются долгожданным солнцем, асфальт плавится под его лучами. Мы потеем, укутавшись по привычке в свои теплые пальто. Гигантская ладонь накрыла нас всех, и мы празднуем это событие, массово выходя на улицы, отправляясь в сады и парки, чтобы открыть баночки с напитками с миллионом шипящих пузырьков. Мы знаем, жара продлится недолго.

Людам свойственно забывать, каким сырым и дождливым может выдаться июнь. Солнечный уикенд в начале месяца, часто именуемый в ряде газет волной тепла, знаменует собой открытие летнего сезона, даже несмотря на то, что солнцестояния – самой верхней точки между светом и тьмой – ждать еще несколько недель. Но затем последует дождь. Так всегда бывает. Это сочетание удивительного «пузыря» жары и разгоняющегося журчания настойчивого дождя обеспечивает рост растений.

Потому что июнь – переходный месяц, пауза между многообещающей весной и благодатным летом в самый его разгар. В июне все растет, тянется ввысь на грани буйных перемен. С

земли поднимается алтей розовый, краснея на бордюрах. Дороги, вдоль которых посажены деревья, как будто сжимаются, по мере того как ветви распухают от листвы. Трава становится такой сочной и манящей, что так и хочется зарыться в нее. Розы распускаются, источая нежность и аромат, но в любой момент готовые отяжелеть от дождя. Вокруг так много почек, что после ветра и дождя часть из них оказывается на тротуарах, взрываясь под ногами прохожих. Повсюду зелень, все кипит, бурлит и горит желанием – полное ощущение зарождающейся жизни. Ближится летнее солнцестояние – время, когда день пойдет на убыль. И это изменит ход суток, которые мы заполняем привычными каждодневными заботами.

•

Какое-то время моя жизнь была стабильной. Уже третье лето подряд я жила в одном и том же доме. Квартира несла отпечаток смены времен года, так как из ее окон открывался панорамный вид на город с пятого этажа дома, стоявшего на вершине холма, так что, сидя за обеденным столом, можно было наблюдать и рассвет, и закат. Зимой окна квартиры запотевали, и конденсат струился по стеклам, впуская внутрь слабые лучи рассветного солнца, а вода образовывала лужицы на подоконниках. Сильные ветра сотрясали ее. А в летнюю жару мы открывали настежь окна на весь день и закрывали их, только когда вечерние тени начинали вырисовываться на розовеющих стенах. Свежий порывистый ветер проносился по коридору, хлопая дверьми и нарушая спокойствие дома.

Это был наш корабль, а мы с Джошем на нем – капитанами. Сверкающий белый дом, иногда казавшийся слишком «взрослым» для тех вещей, которые мы накопили вместе; слишком «отполированным» для того, что связывало нас: приключения и желание.